

Василий Брусянин

Давыдка

Василий Васильевич Бруснянин
Давыдка
Серия «В стране озёр»

Аннотация

«Все звали его пренебрежительным именем «Давыдка», но никому бы не пришла охота принизить его этим именем.

Что-то печально-убогое было в этом человеке, который и улыбался-то какой-то особенной болезненной улыбкой, никогда не шутил, никогда не казался счастливым, хотя себя он и считал счастливейшим человеком из смертных.

– Давыдка живёт... Еге!.. Живёт!.. Нишего, – часто говаривал он...»

Василий Брусянин

Давыдка

Все звали его пренебрежительным именем «Давыдка», но никому бы не пришла охота принизить его этим именем.

Что-то печально-убогое было в этом человеке, который и улыбался-то какой-то особенной болезненной улыбкой, никогда не шутил, никогда не казался счастливым, хотя себя он и считал счастливейшим человеком из смертных.

– Давыдка живёт... Еге!.. Живёт!.. Нишего, – часто говорил он.

И это «нишего» звучало каким-то особенным тоном, как будто в этом слове включена вся мудрость жизни.

Давыдка очень любит русскую водку и за самый крошечный флакончик «казёнки» готов сделать всё, что бы ему ни приказали. Просить Давыдку как-то не принято, ему только приказывают, и он всегда охотно всё исполняет.

– Давыдка, да, ведь, ты умрёшь, если будешь так много пить, – скажет, смеясь, Давыдке кто-нибудь из обитателей пансиона, вовсе не озабоченный тем, чтобы Давыдка долго прожил.

А Давыдка улыбнётся своей грустной улыбкой и скажет:
– Нишего!..

Всё своё существование, всё своё прошлое Давыдка продал обстоятельствам жизни за весьма дешёвую плату. Полю-

бил он русскую водку и спился. Пить он научился в Кронштадте, куда в былые времена ездил на заработки по зимам. Там же, в этом городе-крепости, научился говорить по-русски, там же потерял и свою жену, и детей.

Жена и дети оставили Давыдку в самый тягостный период его жизни, когда земля и лес, принадлежавшие ему, уже были проданы русским дачникам, и когда у Давыдки осталась только крошечная усадьба, где он живёт и до сих пор. Дети остались в Кронштадте с женою, а когда подросли – перебрались в Петербург, пристроившись на заводах и в мастерских.

О своей семье Давыдка не любил говорить. Спросят его:

– Где твоя жена, Давыдка? Где дети?

Пожмёт плечами хмурый финн, улыбнётся по-своему грустно и ответит:

– Петербург пошла.

– Что же они там делают?

– Живут. Еге!.. Богато живут.

При этом Давыдка начнёт рассказывать о том, как хорошо живут его жена и дети, и, конечно, врёт. Люди, не знающие подробностей жизни Давыдки, верят ему, а те, кто знал правду – только посмеиваются.

Как-то раз жена Давыдки, толстая Хильда, вздумала побывать на родине. Остановилась она у родственников в подгорной деревушке у озера и надумала навестить мужа.

Подошла Хильда к усадьбе Давыдки, издали посмотрела на его ветхую избу с дырявой кровлей и с позеленевшими

оконцами, но в обиталище сбившегося супруга зайти не решилась. Сердце женщины заныло при виде разрушающейся усадьбы, но что же она могла сделать? Обошла Хильда вокруг усадьбы мужа, покачала головою, точно вспоминая что-то, и отошла прочь.

Подивились соседи на гостью из Петербурга, а кто-то сказал:

– Давыдка у кузнеца работает. Хочешь, Хильда, его увидеть?

– Что мне на него смотреть-то? Посмотрела.

И приезжая женщина повела рукой в сторону Давыдкиной усадьбы и добавила:

– Довольно, и это увидала.

И ушла, пряча от людей наворачнувшиеся на глаза слёзы...

Узнав о возвращении жены, Давыдка захотел повидаться с Хильдой, но он как будто побаивался этого свидания. Торопливо смыл с лица и рук копоть и сажу от кузнечной работы, надел лучшую рубаху и штаны и пошёл к родственникам жены на озеро.

В дом войти не решился, а спрятался за толстыми стволами рябины и издали посматривал на коричневые наличники на окнах дома у самого озера. Так он простоял час или два, но всё же дождался, чего хотел. Как только из ворот домика у озера показалась бричка, в которой сидела его жена, одетая по городски, Давыдка бросился вдоль пыльной дороги и закричал:

– Хильда! Хильда! Я... Давид!.. Тут.

Посмотрела на него Хильда равнодушными глазами, но всё же попридержала лошадь, натянув вожжи в руках брата, который отвозил её до ближайшей станции.

Объяснения между супругами в этот момент не произошло. Давыдка потянулся к жене с рукой, и та подала ему свою. Давыдка улыбнулся кривой улыбкой, и жена ответила ему улыбкой, но что это была за улыбка? Плохо смыл Давыдка с лица сажу, и это рассмешило городскую женщину.

– Хильда!.. Хильда!.. – начал, было, Давыдка, но Хильда только презрительно усмехнулась и выкрикнула:

– Перкеля! [*фин. Perkele – Чёрт. Прим. ред.*]

Попытался, было, Давыдка, вскочить в бричку, но возница, брат сердитой женщины, пошевелил вожжами, а Давыдку даже в сторону отбросило: так стремительно понеслась по пыльной дороге маленькая рыжая лошадь.

Вечером того же дня Давыдка сидел у кузнеца Соломона, пил кофе со спиртом и бранил жену, а к ночи напился и заснул в кузнице на земляном полу.

Кузнец Соломон приходился Давыдке дальним родственником, но далеко не родственные отношения связывали их. Соломон любил дешёвый труд, а Давыдка не особенно высоко оценивал свои силы и часто работал в кузнице за обед или за ужин. Но между кузнецом и дешёвым работником было установлено постоянное и неизменное условие: два раза в день, утром и вечером, Соломон должен угощать Давыдку

кофе со спиртом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.